

Джидо только сегодня прибыл в деревню Санкё-мура. Это отдалённое и труднодоступное место было совсем непросто найти. И ему пришлось пройти долгий путь, прежде чем он добрался до входа в деревню.

Цель его визита была проста — убить одного человека. Однако сложность заключалась в том, что теперь этот человек, похоже, стал монахом, а убивать кого-то в храме не хотелось.

В этом был весь Джидо — упорный, порой до мелочей. Этот недостаток был ему известен, но он давно привык к собственной странности и не собирался её исправлять. Поэтому он решил написать письмо, чтобы вызвать свою цель на встречу за пределами святилища, где убийство не нарушит покой монастыря.

Но сперва ему было необходимо поесть. Долгий путь истощил его силы, и голод становился все невыносимее.

В это время, когда на горе распускаются сакуры, лепестки которой кружатся в воздухе и осыпают собой землю, устилая ведущие к домам дорожки. Вся деревня буквально утопала в розовом цветении, ведь она находилась у самого подножия этой прекрасной горы.

Подняв взгляд на теряющуюся в розовых лепестках вершину, Джидо едва заметно шевельнул зажатую в зубах соломинку. Это была красивая картина: и даже проходившие мимо прохожие становились частью этого чудесного пейзажа.

"Эээ!" — чей-то голос вывел его из задумчивости.

Мимо него проходил несущий на спине две тяжёлые вязанки хвороста, дровосек. От неожиданности он споткнулся, не заметив камень, и упал, не удержав равновесия. Вязанки вот-вот должны были разлететься по земле.

Джидо протянул руку и уверенно поймал связки за верёвки. В его ладони они словно не имели веса, и дровосеку оставалось лишь удивлённо моргнуть.

"Ты в порядке?" — спокойно спросил он, глядя на лежащего на земле дровосека.

"Да-да, всё нормально!" — тот быстро отряхнулся, радуясь, что хворост не рассыпался: иначе пришлось бы собирать всё заново, что заняло бы немало времени. Преодолевая боль в подвернутой ноге, он принял вязанки из рук незнакомца, и кивнув, продолжил прихрамывая двигаться дальше.

"Спасибо, тебе!" — напоследок бросил дровосек, удаляясь по петляющей среди деревьев, дороге.

Джидо проводил его взглядом. Люди вокруг, увидев то, как он помог дровосеку, перестали смотреть на него с настороженностью, сменив свои взгляды добродушием и спокойствием. В Санкё-мура — небольшой деревушке — люди были добры к чужакам, будучи готовыми принять любого, кто приходил с миром.

Зайдя в уличную закусную, Джидо присел за покрытый лепестками сакуры стол, и заказал миску лапши. Ждать пришлось недолго, и вскоре хозяйка принесла ему дымящуюся лапшу.

В деревне эта лавка была единственной, ведь местные жители редко обедали вне дома, и закусочная существовала, в основном, для забредших в эти окрестности путешественников.

Хозяйка была вдовой, и одна растила ребёнка. Жители деревни изредка поддерживали её делами, чтобы она могла сводить концы с концами.

"Ваша лапша" — хозяйка поставила миску на стол, вытерла руки о фартук и вернулась на кухню.

Глядя на лапшу перед собой, Джидо отметил, что это было простое блюдо — обычная варёная в прозрачном бульоне лапша и несколько листьев зелени. Такой скромный обед полностью удовлетворял его запросам, ведь он был вегетарианцем и избегал мясных блюд.

Сняв с себя соломенную шляпу и положив её рядом, он взял пару палочек из стоящего сбоку сосуда. В этот момент несколько подхваченных ветром лепестков сакуры, упали в его миску, мягко осев на поверхности бульона.

"А?" — пробормотал он, глядя на лепестки: "Неужели небо благословило меня этими цветами?"

"Что ж, не мне противиться воле небес" — Джидо закрыл глаза, сложил палочки перед собой и благоговейно, почти торжественно поклонился. После этого он приступил к еде, словно перед ним было не простое блюдо, а изысканная яства.

Окружающие не понимали его, так же как и он порой не понимал самого себя. Но в каждом его поступке ощущался особый порядок — его собственный свод правил, следовать которым мог только он один.

К вечеру, когда большинство прохожих уже разошлись по домам, Джидо всё ещё продолжал идти по улицам деревни, прижимая к себе меч. Он остановился у заброшенного дома на краю деревни. Дом выглядел совсем ветхим, как будто уже давно был покинут своими жителями. В нём не было двери, и виднелась затянувшая весь дверной проём паутина, словно говоря, что этот дом не ждет гостей.

Джидо решил переночевать здесь. Будучи странником, он привык к жизни в пути и находил утешение даже в подобном месте, вездь здесь хотя бы были стены.

"Мяу." - услышав кошачье мяуканье, он замер на пороге. Подняв взгляд, он заметил коричневого сидящего на дверной раме и настороженно наблюдающего за ним кота.

Человек и кошка долгое молча смотрели друг на друга некоторое время, до тех пор, пока ветер не всколыхнул паутину на дверной раме. После чего, держась за меч, Джидо обратился к своему новому знакомому: "Меня зовут Джидо. Мне негде остановиться на ночлег, могу ли я провести эту ночь здесь?"

Кот, с недоверием осмотрел его, но затем мягко спрыгнул с рамы и медленно, с явной осторожностью, приблизился к гостю.

"Мяу."

Кто знает, действительно ли этот человек и кот понимали друг друга? Джидо опустил на корточки, протянул руку и почесал кошку под подбородком, хриловатым голосом произнеся: "Ты тоже бродяга без дома?"

Кот прищурился, и будто в ответ ему, снова мяукнул, сказав: "Мяу."

Несколько поколебавшись, он прыгнул прямо в объятия Джидо, который подхватив его, погладил по спине.

"Что ж, тогда останемся здесь на эту ночь" — сказал он, входя в ветхую хижину с кошкой на руках.

Ночью Джидо развел небольшой костер, свет которого вырисовывал на стенах его и кошачью тени. В одной руке он держал соломинку, забавляясь с кошкой, а в другой — кисть, которой аккуратно выводил строчки письма...

Бум... бум... бум! - по всей деревне раздался звон колокола — так звали к вечерней молитве в храме Чистое Сердце, и напоминали всем ещё не вернувшимся, что пора домой.

Джидо слушал отдаленный звон, дожидаясь, пока высохнут чернила на написанном им письме, одновременно с этим, тщательно протирая свой меч. Куда может вернуться такой, как он, странствующий и одинокий дух, у которого нет собственного дома?

На рассвете в воздухе ещё витала свежесть утренней росы.

Старый монах вынес из сарая корзину с дровами, чтобы разложить их сушиться: из-за влажной погоды последние дни древесина слегка отсырела, и её нужно было просушить, чтобы она могла нормально гореть. Разложив хворост перед дверью, он почувствовал ноющую боль в спине. Руки и ноги также уже не слушались, ведь годы брали своё — никому не избежать старости и износа тела.

Собираясь уже вернуться в храм, он заметил, что у дверей что-то лежит. И подойдя поближе, он увидел письмо.

В их деревне обычно всё говорили лицом к лицу — так кто бы стал писать письма?

Старый монах поднял конверт, на котором было аккуратно было выведено: "Для настоятеля монастыря Чистое Сердце."

Мне, старику?

Он удивлённо покрутил письмо в руках, явно пытаясь понять, кто мог бы ему написать. Но, так и не найдя подходящего ответа, он положил письмо в карман и отправился обратно в храм.

На углу улицы, в тени у стены, стоял Джидо, в своём привычном образе с соломенной шляпой на голове, и с стебельком в зубах. В этот момент, уютно устроившийся у него на руках коричневый кот, зевнул.

Джидо смотрел, как старый монах удаляется, и опустив свою шляпу ниже, скрылся из виду...